

Альберт Рис Вильямс

О ЛЕНИНЕ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Albert Rhyr Williams

АЛЬБЕРТ РИС ВИЛЬЯМС

**О ЛЕНИНЕ
И ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1960

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Американский журналист Альберт Рис Вильямс, глубоко заинтересовавшийся происходившими в России событиями, в середине 1917 года вместе с Джоном Ридом, автором известной книги «10 дней, которые потрясли мир», приехал в нашу страну и стал очевидцем крушения старого, буржуазного строя, свершения Октябрьской революции и становления Советской власти в России.

Находясь в России, Вильямс шел в самую гущу революционных событий. Он наблюдал революционные демонстрации в Петрограде, присутствовал при штурме Зимнего дворца, бывал в окопах, видел триумфальное шествие Советской власти по всей России. Революция захватила Вильямса, он встал на сторону восставших, участвовал в защите молодой Советской республики в составе интернационального отряда.

Вильямс встречался и разговаривал с Лениным, выступал вместе с ним на митинге; ему довелось видеть Ленина в повседневной работе и жизни. Разглядев тогда во Владимире Ильиче центральную фигуру революции, он с большой теплотой одним из первых за рубежом написал очерки о вожде Октябрьской революции «Ленин — человек и его дело», опубликованные на английском языке в 1919 году. Революционные события, которые он наблюдал, описаны им в книге «Сквозь русскую революцию», вышедшей в свет в 1921 году.

Приехав в нашу страну в 1931 году, автор побывал в Мавзолее Ленина и написал очерк «Величайшая в мире приемная», включенный им в брошюру «Ленин — человек и его дело».

В основу настоящего издания взяты тексты, публиковавшиеся на русском языке: «Ленин — человек и его дело» — в 1925 году, «Сквозь русскую революцию» — в 1924 году, «Величайшая в мире приемная» — в 1932 году. Эти дополняющие друг друга произведения, просмотренные и исправленные автором, в новом переводе объединены в одну книгу «О Ленине и Октябрьской революции», для которой Вильямс написал предисловие во время его пребывания в СССР в 1959 году.

Книге предпослан очерк Бориса Полевого о писателе-публицисте Альберте Рисе Вильямсе.

АЛЬБЕРТ РИС ВИЛЬЯМС — НАШ ДАВНИЙ ДРУГ

Имя француза Лафайета необыкновенно популярно в Соединенных Штатах. Есть город Лафайет, есть улицы, площади, скверы, носящие это имя. Юный французский аристократ, воспитанный на идеях просветителей, — Мари Жозеф Поль Лафайет, захваченный передовыми для своего времени призывами Декларации независимости, пересек океан для того, чтобы принять участие в освободительной войне на стороне армии Джорджа Вашингтона против войск английского короля. Он оказался храбрым человеком и закончил войну генералом американской армии. У Джорджа Вашингтона было немало и своих храбрых, талантливых офицеров. Главная заслуга Лафайета перед молодой заокеанской республикой состояла в другом. В те дни реакционные дворы Европы ненавидели и проклинали освободительную борьбу североамериканцев. Армии генерала Вашингтона, плохо вооруженные, оборванные, в буквальном смысле слова разутые, наступая, оставляли кровавые следы босых разбитых ног. Но, сильные своим духом, они победоносно громили отлично оснащенные войска английского короля. В Европе же эти армии рисовали шайками грабителей, насильников и убийц. И вот француз Лафайет, очевидец и участник событий, вернувшись в Старый свет, рассказывал правду об освободительной войне, о Джордже Вашингтоне, о Североамериканской республике, рожденной в этих боях.

Живет в Соединенных Штатах человек, которого все — друзья и недруги называют Лафайетом русской революции. Это маститый писатель-публицист. Его имя Альберт Рис Вильямс.

Еще будучи юношей, увлекающимся социалистическим учением, начинающим журналистом, он узнал о крушении царизма. Примерно в том же возрасте, что и Лафайет, он пересек океан в обратном направлении и с корреспондентским билетом нью-йоркской газеты прибыл в революционный Петербург.

Выходец из потомственной шахтерской семьи, он полон интереса к русской революции, освобожденному народу. Его выпускное сочинение, которое он написал, заканчивая колледж, называется «Альтруизм и эгоизм в политике». Это страстный призыв к политическим действиям, полный сочувствия к трудящимся. Позже Вильямс знакомится с учением о социализме и коммунизме, поддерживает его. Но у него еще нет твердого мировоззрения. Увлеченный событиями, происходящими в России, он с головой бросается в революционный водоворот, и сама революция, которую он наблюдает пытливым, зорким и непредубежденным глазом, становится его политической школой.

Желая проникнуть в суть происходящего, понять соотношение сил, ощутить направление революционного движения, Вильямс работает неутомимо и страстно, забывая об отдыхе и сне. Он проникает к Керенскому, интервьюирует членов Временного правительства. Он знакомится с лидерами борющихся партий, бывает на собраниях, на митингах, посещает редакции петербургских газет, правительственные учреждения. Непрестанное любопытство, крепнущее ощущение, что революция не остановилась, что свержение самодержавия — это лишь пролог к чему-то иному, большему, понимание, что это новое рождается не в кабинетах министров Временного правительства и не в респектабельном центре столицы, а на ее задымленных заводских окраинах, в промерзлых окопах, в глухих деревнях, увлекает любознательного и неутомимого американца к простым людям, к рабочим, крестьянам, солдатам, к матросам Балтийского флота и, наконец, приводит его к большевикам. Всё пристальней приглядывается он к этой численно еще небольшой, но бурно растущей партии, к которой тянутся простые люди. И тут, в беседах и спорах с большевиками, он постепенно приходит к выводу, что именно у большевиков эпицентр нарастающего землетрясения.

Нет, он ничего не хочет принимать на веру. Жажда проследить движение событий влечет его из революционного Питера в провинцию, в уездные города, в волости. Смело он, иностранец, проникает в солдатские землянки, где агонизирует разутая и голодная гигантская армия, которую Керенский пытается

бросить на убой, чтобы утвердить за собой славу «сильного правителя». Вильямс беседует с помещиками и крестьянами, с рабочими и промышленниками, с преуспевающими спекулянтами и голодными женщинами, мерзнувшими в очередях, с мистрами и швейцарами. Он сопоставляет призывы различных партий, изучает статистические таблицы, собирает факты. И он, американец, воспитанный на принципах буржуазно-демократических свобод, всё больше утверждает в мысли, что правда на стороне большевиков, что события в России под напором снизу уже переросли рамки буржуазной революции, что тут, на территории огромной страны, подавляющее большинство населения которой неграмотно, рождается нечто совершенно новое и что это новое будет ярче, шире и прекрасней тех идеалов, которые он, Вильямс, впитал еще в родном Мэриэт-колледже, где он считался когда-то способным студентом и был капитаном знаменитой на весь штат баскетбольной команды...

— Наблюдая события, я чувствовал, как постепенно рушатся мои представления о революциях. То, что рождалось у меня на глазах, не могло не поразить и не увлечь. Мои записные книжки, как губки, впитывали уйму невероятных наблюдений. Галстуки и сорочки в моих чемоданах уступали место листовкам, брошюрам, воззваниям, пачкам газет. Я начинал понимать, что становлюсь свидетелем событий, каких не доводилось описывать еще ни одному журналисту, и собирал все это, боясь что-нибудь пропустить, позабыть, утерять, — рассказывал мне Альберт Вильямс, вспоминая о тех днях.

В день, когда происходил этот разговор, писатель только что вышел из лечебницы, где пролежал несколько месяцев, прикованный к койке тяжелой болезнью. Он был еще слаб — этот огромный, плечистый человек; щеки покрывала бледность, на лбу выступали росинки пота. Но жесты больших рук были точны, энергичны. Глаза глядели молодо из-под седых, сбиравшихся на лоб прядей. И так же молодо рокотал его раскатистый голос, несколько медленно, нарастая, но правильно выговаривая русские фразы.

— Мы с моим другом Джоном Ридом, разумеется, в те дни, летом 1917 года, еще не могли угадать, куда мчится поезд русской революции. Но мы с увлечением неслись в нем и жадно следили за всем, что открывалось перед нашими глазами...

Чудесная, совсем юношеская память у этого пожилого американца, которому привелось стать свидетелем самых волнующих

событий Октябрьской революции и первых лет Советской власти. Он, как и его друг, могли бы с полным правом сказать стихами Маяковского:

Мы
 диалектику
 учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
 она врывалась в стих...

Именно зоркость журналистского глаза, чуткость уха сдружили корреспондентов нью-йоркских буржуазных газет с большевиками, которых менее дальновидные или более предубежденные западные журналисты рисовали в те дни в виде зверей в облике человеческого. Именно объективный анализ массы фактов, ежедневно наполнявших их блокноты, позволил этим двум людям из-за океана угадать во Владимире Ильиче Ленине центральную фигуру революции...

— По вечерам, когда мы, падая от усталости, добирались наконец до своих номеров в отеле, мы часто говорили об этом еще не виденном нами человеке. Старались представить, каков он из себя, в чем сила его обаяния, чем он так неудержимо влечет к себе сердца всех этих голодных рабочих, оборванных солдат, приезжавших с разрушающихся фронтов, военных моряков, представлявших, как многим казалось тогда, самые необузданные силы революционной стихии, — продолжал рассказывать Вильямс.

Теперь, когда в воспоминаниях он совсем ушел в те далекие бурные дни, его массивное красивое лицо мгновениями становилось совсем молодым, глаза по-юношески блестящими...

— Ленин, таинственный Ленин, которого одни проклинали, объявляя немцем шпионом, даже антихристом, а другие превозносят, считают истинным революционным гением, которого яростно травит печать почти всех партий, само имя которого вызывает просто звериную ненависть у офицеров и зажигает восторгом глаза рабочих, солдат, матросов, этот еще не виденный нами Ленин все больше и больше занимал наше воображение... Мы расспрашивали о нем наших знакомых из революционных русских эмигрантов, живших у нас в Штатах и теперь репатрировавшихся домой. Некоторые из них знали Ленина, другие были только знакомы с его делами. Но все с восторгом говорили о нем. И характерно — никому из них не удавалось нарисовать его портрет. Нам все больше не терпе-

лось увидеть этого человека, а он в те дни вынужден был скрываться от ищеек Временного правительства.

— Ну и каково же было ваше впечатление, когда вы впервые увидели Владимира Ильича?

Теперь лицо заокеанского собеседника стало задумчивым, в глазах отразилась восторженная нежность.

— Мое впечатление?! Вы думаете так легко рассказать... Я впервые увидел Ленина в огромном зале Смольного, переполненном толпами солдат, рабочих, матросов. Это было в ту ночь, когда загрохотали пушки «Авроры». Зал клокотал, гудел... Но тут председатель произнес: «Слово предоставляется товарищу Ленину...» На мгновение все стихло, а потом разразились такие аплодисменты и приветствия, что, казалось, задрожали сами массивные колонны. Мы, сидевшие на журналистских местах, замерли в напряжении: вот сейчас появится этот человек, которого мы так жаждали видеть. Но сначала, как мы ни приподнимались, можно было заметить лишь движение на сцене, где кто-то пробирался к трибуне среди ликующих и аплодирующих людей. Наконец, мы увидели Ленина и были поражены. Мы представляли, что перед нами появится мужчина огромного роста, сама внешность которого сразу же приковывает внимание, а на сцене стоял невысокий, коренастый лысый человек с рыжеватой бородкой. Зал, казалось, был готов развалиться от грома приветствий, а он стоял, слегка улыбаясь, делал нетерпеливые жесты, показывал на часы, дескать, время идет, не надо терять его попусту... И когда ему как-то удалось загасить эти овации, он энергичным, я бы сказал, веселым голосом произнес слова, которые мы, разумеется, тотчас же записали, но которые вот сейчас, столько лет спустя, я легко воспроизвожу по памяти: «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства...» Так начал он... Это мое первое впечатление.

Видя, что я старательно записываю, Вильямс улыбается.

— Не стоит. Ведь я тоже журналист и, разумеется, описал это и сам. Вы найдете это в моей книге о Ленине. Она вышла у нас в Штатах в 1919 году, и я очень горжусь, что мне — одному из первых иностранцев — довелось рассказывать Западу об этом удивительном человеке. Но все эти годы я не могу себе простить, что тогда не набрался храбрости послать эту книжку Ленину. Не решился — и всё... И вот всю жизнь жалею...

Альберт Вильямс, как и Джон Рид, не мог удовлетвориться долетавшими до него отзвуками событий. Он хотел быть в

самой гуще. Он хотел все видеть своими глазами, получать новости из первых рук. Эта неутолимая жажда все видеть и слышать сделала его сначала невольным, а потом сознательным и активным участником многих героических эпизодов социалистической революции и делает теперь его корреспондентом, статьи и книги не только интереснейшими свидетельствами зоркого, наблюдательного очевидца, но и придает им характер исторических документов, значение которых с годами не теряется, а растет.

Он был свидетелем провозглашения Советской власти и вместе с делегатами II съезда Советов аплодировал рождению нового, социалистического общества. Вместе с солдатами и рабочими он, вооруженный лишь блокнотом и карандашом, участвовал в штурме Зимнего дворца, наблюдал арест министров Временного правительства. В острейший момент Октября, когда перешедшая в контратаку реакция захватила Петроградскую телефонную станцию и забаррикадировавшиеся в ней офицеры арестовали в качестве заложника Антонова-Овсеенко, Рид и Вильямс проникают в здание телефонной станции и становятся свидетелями того, как этот большевистский руководитель с риском для собственной жизни предотвращает самосуд над офицерами после того, как их вынуждают сложить оружие. Характерно и очень важно, что именно эти два американских корреспондента — очевидца и участника Октябрьской революции, как и руководитель американского Красного Креста полковник Раймонд Робинс, тоже волею судьбы оказавшийся в гуще бурных событий той поры, вернувшись на родину, становятся страстными пропагандистами гуманизма Октябрьской революции, дисциплины широких масс, предводительствуемых большевиками, пропагандистами величия ленинской стратегии, позволившей осуществить переворот в гигантской стране, избегнув при этом сколько-нибудь значительных кровопролитий и террора.

Альберт Рис Вильямс, как и Джон Рид, был активной натурой и не довольствовался ролью летописца событий. В январе 1918 года в Михайловском манеже был назначен митинг солдат, отправлявшихся на фронт. Узнав, что будет выступать Владимир Ильич, Вильямс устремился туда. В полутьме манежа, как допотопные чудовища, теснились старые, выдавшие виды броневики. Плотная масса красногвардейцев обступила один из них. Владимир Ильич выступал, используя броневик как трибуну. Его характерный энергичный баритон разносился по всему огромному помещению. Эхо в темных уг-

лах повторяло слова. Подвойский, который вел митинг, попросил выступить Вильямса. Тот поразился: выступить? Выступить после Ленина? До сих пор он не забыл, как взволновало его это предложение. И все же он согласился и, стоя у машины, стал мучительно подбирать в голове и складывать русские фразы своей будущей речи. Вот Ленин кончил. Как всегда, его выступление сопровождалось бурными взрывами радости, шумного одобрения, как и всегда после своих речей, он чуть улыбался, улыбался одними глазами. Дружеские руки помогли ему сойти с броневика.

— А теперь перед вами выступит американский товарищ, — уже объявлял Подвойский.

Толпа сразу стихла, настороженно замолчала. Ленин все с той же улыбкой, которая жила в его узких, чуть раскосых глазах, одобряюще пожал Вильямсу локоть и, словно угадав его сомнения и тревоги, быстро сказал:

— Говорите по-английски, а я буду переводить.

— Нет, я хочу говорить по-русски, — ответил Вильямс.

Ленин с любопытством смотрел на него, и улыбка трогала уже и его губы, а в глазах светились задорные огоньки. Вильямсу показалось, что Ленин с любопытством ждет, как он будет наказан за свою самонадеянность. И действительно, выпалив весь запас заготовленных фраз, оратор споткнулся на каком-то слове и замолчал.

— Какого слова вам не хватает? — живо и доброжелательно спросил Владимир Ильич.

— Enlist, — смущенно произнес оратор.

— Вступить, — быстро подсказал Владимир Ильич и потом всякий раз, когда Вильямс останавливался, споткнувшись о неведомое или позабытое слово, он заботливо подсказывал это слово по-русски.

Сойдя с трибуны, Вильямс тут же дал Владимиру Ильичу слово изучить русский язык. Ленин не забыл это обещание и однажды, встретившись с Вильямсом на одном очень важном собрании, тихо спросил, как идет учеба. И тут же стал шепотом давать советы, как, по его мнению, лучше изучать иностранные языки.

Революция все крепче захватывала Вильямса. Когда немцы развернули наступление и молодая Советская власть призвала народ к оружию, он записался в Красную Армию. Перед отправкой на фронт он пришел к Владимиру Ильичу проститься. Тот крепко пожал ему руку. Как всегда, добрый почин тотчас же дал толчок творческому ленинскому мозгу.

— А может быть, вы сумели бы найти и еще кого-нибудь из иностранцев?... Революционный иностранный отряд... это было бы нам крайне важно.

На следующий день «Правда» напечатала набранный порусски и по-английски призыв Вильямса к иностранцам, находящимся в России. Он начинался словами, сделавшими честь принципиальности молодого американского социалиста: «В эту страшную мировую войну... интернациональные силы были разрознены и рабочий класс повсюду скован империалистами всех стран...» Вильямс призывал иностранцев, находящихся в России, вступать в интернациональный отряд, защищать молодую Советскую республику. А спустя короткое время этот отряд уже двигался на телегах на самый опасный участок фронта. Вильямс не стал, подобно Лафайету, генералом армии, отстаивающей свободу другого народа. Он остался красноармейцем, солдатом пролетарской революции. Но воинское звание в данном случае значения не имеет. Его большое, мужественное, честное сердце, сердце человека, унаследовавшего от деда-шахтера лучшие черты своего великого народа, с тех пор было верным делом, на которое благословил его Ленин. Первая в мире социалистическая держава приобрела в нем большого друга.

Свою книгу, посвященную событиям тех славных дней, книгу, которая является сестрой-близнецом книги Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир», Альберт Рис Вильямс озаглавил «Сквозь русскую революцию». Но заглавие ее является не совсем точным, ибо, действительно став зорким, не предвзятым очевидцем событий тех дней, автор прошел не сквозь революцию, а в ней и с ней, в рядах активных ее участников.

В те дни газеты Запада были полны самых диких вымыслов о том, что происходит в России. Победоносное завершение пролетарской революции, напугав капиталистический мир, вызвало в нем чудовищный пароксизм злобы. Стараясь нейтрализовать ее влияние на умы тружеников мира, зарубежные газеты соревновались между собой в самых чудовищных выдумках, от которых у трусливых мещан кровь стыла в жилах: Советы национализируют женщин... На рынках голодающего Петрограда из-под полы продают человеческое мясо, причем особенно ценится мясо детей... Людей состоятельных классов, если им не удастся скрыться, матросы ловят и живыми топят под невским льдом... Десятки христианских священнослужителей заперты и сожжены в соборе пьяной толпой военных моряков...

С особой яростью реакционная пресса обливала грязью Владимира Ильича Ленина, и тут уж, не стесняясь, давала волю болезненному и злобному воображению.

— ...Все это дикое вранье в чудовищных дозах обрушивалось на головы доверчивых обывателей, — рассказывает Альберт Вильямс. — Было ясно — западная реакция мобилизовала все силы, чтобы сделать блокаду Советской России непроницаемой. Я понял — мое место там, за этим сплошным кордоном. Я понял — мой долг нести в мою страну истину о Советской России, о том, что в ней произошло и происходит, истину о пролетарской революции, о ее массах, о ее вожде...

Рассказчик замолкает, поднимается, подходит к окну, стоит к нам спиной. За окном просторная асфальтовая площадь, два потока машин текут по ней. Мощная фигура поэта, певца великой революции застыла посреди площади, облитая жарким летним солнцем. Возле монумента пестрые фигурки играющих детей. Сверху кажется, будто поэт читает им свои стихи.

— Какой она стала новой, красивой — Москва, — взволнованно произносит седовласый очевидец Октябрьской революции. Потом, все еще улыбаясь, опускается в кресло, возвращается к давно минувшим дням. Чувствуется, что картины этого прошлого, которые даже мое поколение советских людей воспринимает уже как историю, вырисовываются перед ним так же четко, как вот эта залитая солнцем московская площадь, памятник поэту, играющие возле него дети.

Перед отъездом Альберта Вильямса В. И. Ленин принимает его в Кремле. Журналист делится своими планами, говорит о мечте написать книгу. Он рассказывает о том, что собрал богатейший материал — целый чемодан литературы. Ленин улыбается все той же своей улыбкой, которая, как кажется собеседнику, постоянно живет в прищуре его глаз.

— У вас прекрасная коллекция документов. И что же вы всерьез думаете, что ваше правительство пропустит вас с этим материалом в Америку?

— Я в этом не сомневаюсь, — убежденно отвечает Вильямс.

Писатель все еще наивно верит, что правительство США введено в заблуждение недобросовестной информацией, что оно желает знать правду о Советской России и русской революции. Ленин качает головой. Он уже не скрывает своей усмешки.

— Прекрасно. Может быть, я ошибаюсь. Рад был бы ошибиться. Посмотрим.

Владимир Ильич берет перо и тут же собственной рукой пишет на бланке обращение ко всем работникам железных дорог, прося их содействовать проезду американского корреспондента через Дальний Восток, поручает им беречь его чемодан.

Но Владимир Ильич, как всегда и во всем, оказывается прав. Когда, проделав огромный путь через всю страну, путь, продолжавшийся почти три недели и обогативший писателя новым бесценным материалом о тех сдвигах, которые Октябрьская революция произвела «во глубине России», путь, который сделал его свидетелем становления Советской власти в Сибири и Приморье и очевидцем подлой оккупации Владивостока американскими, японскими, английскими и чешскими войсками, когда, претерпев множество приключений, лишь чудом спасшись от пули осатаневших белогвардейцев, Вильямс на деньги, тайно собранные для него грузчиками, прибывает, наконец, в Сан-Франциско, — пароход встречает военный катер. С него поднимаются на борт офицеры морской разведки Соединенных Штатов. Вильямс арестован. У него отобрали все: с такой тщательностью собранные материалы, блокноты, черновую рукопись будущей книги, вообще все бумаги; обыскали карманы, заставили снять ботинки, заглянули за ленту шляпы, подпороли подкладку пиджака...

— Я был поражен, — продолжает рассказчик, — но поражен не тем, что со мной происходило. В оккупированном союзниками Владивостоке я видел и не такое. Я поразился тому, что Ленин и тут в своем предсказании оказался прав. Эта мысль как-то даже настроила меня на веселый лад. И когда допрашивавший меня полицейский чин спросил, каких я придерживаюсь политических убеждений, я, стараясь изо всех сил говорить серьезно, ответил ему — альтруизма, оптимизма и прагматизма... Вы, вероятно, не поверите, но он старательно, прямо по буквам записал названия этих новых редкостных и опасных русских учений, импортируемых мною в Америку.

Рассказчик прерывает свое повествование и звучно смеется, смеется весело, так, что большие глаза его превращаются в щелочки, а во рту обозначаются два ряда крупных зубов.

— Идиоты! Они прощупали у меня каждый шов на брюках, но они не могли обыскать мою душу и отнять то, что хранила моя память...

Вскоре Альберту Вильямсу вместе с Джоном Ридом, полковником Раймондом Робинсом и другими американцами, вернувшимися на родину из Советской России, пришлось пред-

стать перед судом американских сенаторов. Нельзя без волнения читать теперь стенограмму его показаний в так называемой «оверменовской комиссии». Каким достоинством, какой верой в Великую социалистическую революцию, каким уважением к советскому народу проникнуты его слова. Нельзя удержаться, чтобы, рассказывая об этом человеке, не процитировать отрывки из этих его показаний.

«Сенатор Уолкот. ...Свидетели, недавно выехавшие из России, определяют количество большевиков в 3 процента населения.

Сенатор Юмс. 5 процентов.

Альберт Вильямс. Нетрудно произвести подсчет. С фронта вернулось 12 миллионов солдат. Половина их возвратилась с винтовками. Это 6 или 8 миллионов ружей. И вот, если бы в России существовало широкое и глубокое антисоветское движение, эти винтовки были бы использованы силами, стремившимися сокрушить Советскую власть... Но каждый раз, когда возникала новая угроза Советской власти, эти миллионы винтовок и штыков вставали на защиту Советов...»

И, обобщая свои показания, Вильямс бросает в лицо сенаторам страстные слова: «Я верю в Советскую власть как в великую творческую силу, соответствующую нуждам русского народа. Я верю в нее всей душой, ибо другие правительства, самым фактом своей гибели доказали, что они не имели права на существование... Большевики пользовались доверием народа, и он возложил на них все свои надежды...»

Работу над своей книгой об Октябрьской революции писатель возобновил в горах, над Гудзоном, в маленьком домике Джона Рида. В это время Альберта мучил ишиас. Острые боли не давали ему подолгу сидеть на стуле. Приходилось писать лежа, писать, испытывая такие страдания, что они невольно выжимали на глаза слезы. Когда ему становилось невозможно, Джон отрывался от своей рукописи, раздувал духовой утюг и гладил больному спину. Как-то в одну из таких трагических минут Риду пришлось в голову: «Вот если бы Ленин посмотрел, как пишутся книги о его революции». И расхохотался. С ним вместе расхохотался Вильямс. Он смеялся, несмотря на боли.

Так были написаны замечательные книги «Сквозь русскую революцию» и «Ленин — человек и его дело». Эти книги-документы стали на полки библиотек рядом со знаменитым ридовским очерком «10 дней, которые потрясли мир». Реакционная пресса сразу спустила на эти книги всех своих самых злых псов, попыталась опорочить и произведения и факты, в них

излагаемые, и самих авторов. Но, несмотря на этот дикий вой, свист и хрюк, голоса двух правдивых свидетелей Октябрьской революции прозвучали на всю страну и вместе с зарубежными изданиями этих книг проникли в другие капиталистические страны. Несмотря на яростные атаки прессы, у этих книг были многомиллионные тиражи. Простые люди Америки увидели в книгах маленькие окошечки, прильнув к которым, человек капиталистического мира мог заглянуть в иной, необычный, только что родившийся социалистический мир.

Не удовлетворившись написанием книг, друзья отправились в лекционное турне по крупным городам Соединенных Штатов. Американский биограф Альберта Вильямса подсчитал, что за три года он прочел около трехсот лекций об Октябрьской революции, о Советской России, о Ленине и ленинской политике. Триста лекций в недоверчивых, предубежденных, но любопытных, жадных до истины аудиториях. Этот подвиг трудно даже себе представить. Вильямс его совершил. Его лекции, как и его книги, покоряли строгой, глубокой простотой. В них он преподносил факты и только факты и заставлял слушателей самих делать выводы. Правда побеждала ложь. Лекции неизменно проходили при переполненных залах. В одних городах их прерывала полиция, в других солдаты, науськанные реакцией, пытались разгонять слушателей, в третьих пьяные хулиганы стремились заглушить слова лектора. И все же большинство лекций удавалось довести до конца.

Со всех сторон сыпались вопросы желающих знать правду об Октябрьской революции. Как-то в разгаре турне Вильямс, отобрав и обдумав наиболее часто повторяющиеся вопросы, наводянные антисоветской пропагандой, написал книгу-памфлет, озаглавленную «Семьдесят шесть вопросов и ответов о большевиках и Советах». Реакционная пресса снова пошла в атаку на автора, но американские рабочие раскупили и эту книгу, изданную в двух миллионах экземпляров.

В разные годы Альберт Р. Вильямс, на этот раз уже с женой Люситой, писательницей, сценаристкой, корреспондентом женских журналов, приезжал в нашу страну, жил в ней, совершал большие путешествия. Однажды по совету М. И. Калинина Вильямсы отправились в деревню, тогда делавшую лишь первые шаги к социалистическому землепользованию. Альберт терпеть не мог быть наблюдателем, летописцем, «человеком с блокнотом». Верный себе, он всякий раз старался найти место среди активных строителей и борцов. То он рабо-

тал механиком, чинил в украинских селах сельскохозяйственные машины, обосновавшись на хуторе близ Диканьки. То жил в крестьянском доме в маленькой деревне Сабурово в Подмосковье, учился пахать землю, сеять, косить. Был воспитателем в трудовой сельскохозяйственной колонии имени Джона Рида, где приобщались к труду беспризорники. А заинтересовавшись положением религии, сделался даже на некоторое время... кладбищенским сторожем. И всюду рядом с ним, неистовым и неустанным журналистом, искателем истины, была его верная подруга Люсита, маленькая, с виду такая домашняя, нежная, но мужественная, не боящаяся трудностей женщина, которая, так же как и ее муж, умела грести против течения.

Эти поездки по стране, активная жизнь среди советских людей давали живые наблюдения, обогащали супругов множеством друзей в нашей стране, среди которых были рабочие, крестьяне, наркомы, самые знаменитые наши ученые, режиссеры, писатели, композиторы и самые обыкновенные домохозяйки.

— Мы приезжаем к вам, как к родным, у которых давно не были. Я радуюсь каждому новому дереву на ваших улицах,— говорит Люсита, так же как и муж пронесшая через десятилетия молодую, отзывчивую на все хорошее душу, молодой голос, молодые глаза.

Смотришь на супругов и приходишь к выводу, что в сущности оба они страшно похожи на тех Вильямсов на фотографиях, где они сняты с красногвардейцами, с дальневосточными партизанами, с коммунарами Украины, с девушками из трудовой колонии, сорок, тридцать, двадцать лет тому назад.

Когда Гитлер, подло нарушив договор о ненападении, бросил на Советский Союз всю свою военную мощь — двести дивизий, уже покоривших в короткое время сильнейшие государства континентальной Европы, Вильямсы жили в маленьком домике на острове Ванкувер. Альберт работал над новым изданием книги «Советы». Ничто — ни драматическое для нас начало войны, ни победные реляции гитлеровской ставки, ни мрачные прогнозы обозревателей нью-йоркских газет, уже гадавших, сколько — месяц или год — может выдержать Красная Армия сокрушительный напор гитлеровской военной машины, — не поколебало их веры в советский народ, в прочность социалистического строя, в патриотизм советских людей. Именно в те нечеловечески тяжелые для нас дни через океан полетела телеграмма Альберта, в которой он предсказывал неминуемую победу Красной Армии. И это не было выражением малодушного стремления спрятаться от фактов,